

узеньком листке бумаги записал четыре художественных сюжета, которыми предполагал заняться в будущем. Среди них и этот «чудный» сюжет: «Роман Страхова. Грушенька — экономка».³

Собственно, это в самом общем, неразвернутом виде набросанная мысль произведения — только чуть-чуть обозначенный замысел Толстого-художника; уже не оставалось времени обдумать его, очень скоро Толстому будет совсем не до «художества». Сюжет и неожиданный и загадочный. И почему этот, как сказал бы Достоевский, «фантастический» сюжет представлялся Льву Николаевичу «чудным», мы не знаем; по сути, ведь не рассказано содержание сна — названы лишь его персонажи. Но ясно, что сюжет такого сна не был случайным, что в подноготной сна долгие и очень разные по мыслям и тональности размышления о Достоевском, Страхове, их необыкновенно сложных отношениях, об исповедальных признаниях критика в письмах Толстому, о романе «Братья Карамазовы», который Толстой читал дважды, в последний раз незадолго до ухода и смерти, почти на одре. Возможно, это последнее чтение и разбудило воспоминания о Страхове и его бесконечной тяжбе с Достоевским, неоднократно захлестывавшей письма критика тошнотворной волной запоздалых, диких, больных обвинений-признаний; само собой вспомнились и собственные суждения о Достоевском — писателе и частном человеке. И все это причудливо отразилось в октябрьском сне Толстого. Небольшие записи, но за ними сумасшедший лабиринт сцеплений разных сюжетов — литературных и житейских.

В сознании Толстого неразрывно переплелись Достоевский и Страхов. Этому активно способствовал критик, довольно регулярно сообщавший Толстому не только о литературных занятиях и замыслах Достоевского, но и о событиях в семейной жизни писателя — о ней Страхов был хорошо информирован, находясь в добрых отношениях с Анной Григорьевной. В несохранившемся письме от конца августа—начала сентября 1871 года Страхов передавал Толстому какие-то тревожные новости о Достоевском. Но уже в следующем письме (от 12 сентября) он постарался развеять тревоги: «Повидавшись с ним несколько раз, я увидел, что он вовсе не ослабел, и что перемена, которая мне показалась страшною, в сущности имеет какой-то очень хороший характер. Теперь у него прекрасная семья, двое маленьких детей; есть при том надежда, что он, может быть, избавится от житья заработком. Словом — будущее очень светло, и я, вместо того чтобы жалеть о нем, стал радоваться».⁴ Но о романе, над которым тогда усердно работал Достоевский, как и вообще о художественной манере писателя, Страхов отзывается с какой-то кислой гримасой, недвусмысленно давая понять, что многое в произведениях Достоевского ему чуждо: «„Бесы“, очевидно, представляют все его достоинства и все его недостатки, возведенные в квадрат, если не в куб. Он работает над этим романом добросовестнейшим образом; а выйдет, кажется, чудище, которого никто не поймет».⁵ О том же, но гораздо деликатнее и тоньше писал Страхов и Достоевскому; письмо содержало и весьма лестные для автора «Бесов» слова: «Очевидно — по содержанию и разнообразию

³ Сергеенко дает такую расшифровку записи: «Очевидно, теперь предполагалось сделать Грушеньку заведующей всем домом одинокого Страхова и на этой почве показать возникновение и развитие их каких-то взаимоотношений, что и должно было составить, по словам Льва Николаевича, „прелестное“ художественное произведение» (Там же. С. 291). Ничего очевидного в записи нет — можно лишь предположить, что основой рассказа стала какая-то история, рассказанная Страховым Толстому, соединившаяся с сюжетом сна и впечатлением от чтения романа Достоевского. И это, разумеется, всего лишь гипотеза.

⁴ Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки / Редактор А. А. Донсков. Составители Л. Д. Громова, Т. Г. Никифорова. Ottawa, 2003. Т. 1. С. 10—11.

⁵ Там же. С. 11.